

Белый туман рассеялся, призрачные очертания растаяли, и взору вновь предстало убранство внутренних покоев. Путники подошли ко второму свитку. На картине была изображена невеста в пышном свадебном платье. Тонкие руки выделялись на фоне алого шелка. Девушку окружали служанки и пожилые свахи — на их лицах читалось неподдельное воодушевление, когда они бережно вели ее к нарядному паланкину. Однако сама невеста приподняла край красного покрывала и устремила тоскливый взор на крышу дома, словно надеясь увидеть там кого-то.

В ушах загремели свадебные гонги, увлекая всех обратно в мир призрачных грез.

На залитом солнцем лугу Хуа Маньсян весело тянул за собой Янь Эрси. В его руке была зажата тонкая нить бумажного змея, ловящего порывы весеннего восточного ветра. Стоял теплый второй месяц года — время, когда зеленеет молодая трава и звонко поют птицы, а весна являет миру свое самое нежное очарование.

Набегавшись до изнеможения, Янь Эрси обессиленно плюхнулась прямо на траву и замахала руками:

— Все, довольно, больше не могу! Устала, не буду играть!

Хуа Маньсян со смехом опустился рядом с ней. Он принялся легонько похлопывать ее по спине и разминать затекшие плечи, беззлобно подшучивая над тем, что она сама вытащила его запускать змея, но сдалась, не пробежав и пары шагов.

Девушка раскинула руки и растянулась на мягком зеленом ковре. Ее грудь тяжело вздымалась от частого дыхания. Хуа Маньсян лишь молча любовался ею. Эта девчонка была совершенно лишена манер благородных барышень: если злилась — топала ногами и кричала, если радовалась — хохотала во весь голос. Сама она частенько говаривала, что коли не суждено родиться богатой, то и нечего строить из себя знатную госпожу.

За несколько месяцев, проведенных в Тёмных Землях, демону довелось повидать немало женщин: чопорных дочерей именитых чиновников, изящных куртизанок, простых скромниц и утонченных красавиц. Но вся эта пестрая череда лиц казалась ему удушливым садом, где цветы увядали в своем однообразии. Рано или поздно это приедалось, оставляя лишь скуку.

Лишь эта дерзкая девчонка не боялась покрикивать на него, спорила из-за каждой мелочи и изо дня в день придумывала новые уловки, чтобы выпросить денег на кувшин вина. Хуа Маньсяну это казалось забавным, и он платил ей той же монетой — находил любые предлоги, чтобы придержать монеты.

Как бы ни был богат мир на чудеса, истинные чувства расцветают лишь рядом с одним человеком.

Когда Хуа Маньсян только покинул Царство демонов и очутился в Тёмных Землях, все вокруг манило его своей новизной. Но по-настоящему редким сокровищем для него стала она. Судьба

часто подбрасывает неожиданности, но встреча с этой упрямницей превзошла все его ожидания. Она стала его главным, самым прекрасным потрясением.

Янь Эрси сладко потянулась и прикрыла ладонью глаза от яркого солнца, засыпая на ходу. Хуа Маньсян улегся рядом, осторожно отвел ее руку от лица и негромко спросил:

— Послушай, глупышка, тебе ведь скоро пятнадцать, придет время девичьей шпильки. Думала когда-нибудь о свадьбе?

— О свадьбе?! — вскрикнула она, словно услышала нечто невообразимое.

Она резко выпрямилась и уставилась на собеседника округлившимися от изумления глазами, не в силах связать и пары слов.

— Ну да, о свадьбе, — подтвердил он.

Смутившись, Янь Эрси поспешно опустила голову, пряча растерянный взгляд. Каким бы беззаботным ни был ее нрав, она оставалась юной девушкой, а разве найдется на свете девица, которая хоть раз не грезила о дне своего замужества?

Янь Эрси невольно представила убранство брачного ложа, расшитый золотом венец и алый халат с мандаринками.

«Золотой попугай на ладони лежит,

Феникс яркий на платье вышит...

Обрести бы мне суженого душой,

Чтобы счастье укрыло нас вечной парчой»

От этих грез щеки девушки вспыхнули густым румянцем. Она робко пробормотала:

— Я... я ведь еще совсем глупая. Моя судьба... решать только батюшке.

Хуа Маньсян впервые видел ее такой нежной и робкой. Оказалось, под ее напускной грубостью скрывалось чуткое девичье сердце. Демон привык видеть ее в простом, выцветшем синем платье виноторговки, но теперь его мысли невольно возвращались к образу невесты. Какова же она будет в роскошном алом наряде?

Вглядываясь в черты ее лица, он отметил про себя, что девчонка не лишена изящества и со

временем превратится в настоящую красавицу. Пожалуй, если убрать ее волосы под венец и накинуть на плечи вышитую накидку, она вполне сгодилась бы ему в жены.

Поймав себя на этих мыслях, Хуа Маньсян тихо рассмеялся.

«Неужели я всерьез размышляю о нашей свадьбе?»

Внезапный порыв смутил его искушенное демоническое сердце. Он легко поднялся на ноги и с улыбкой посмотрел на растерянную девушку:

— Ступай домой и попрощайся с отцом. Готовься к свадьбе.

Он верил, что обрел свое счастье, что эта прекрасная случайность отныне безраздельно принадлежит ему. Но судьба распорядилась иначе. Едва обретя человеческое тело, демон познал и главную людскую горечь — невозможность быть с тем, кого любишь.

Отец Янь оказался заядлым игроком. За последние месяцы он умудрился задолжать игорному дому почтенного семейства Чжоу баснословную сумму. Их лачуга давно была пуста — последнее имущество пошло с молотка, а скудные гроши, что Янь Эрсин выручала за продажу вина, едва позволяли сводить концы с концами. Понимая, что долг ему не вернуть, Янь-фу сосватал дочь за младшего сына Чжоу. Богачи лицемерно именовали это союзом по обоюдному согласию, но на деле старик попросту продал собственную плоть и кровь за прощение карточного долга.

Свадебный паланкин должен был прибыть со дня на день. Узнав о страшной участи, Янь Эрсин залилась слезами и наотрез отказалась выходить замуж. Накануне она лишь в шутку твердила Хуа Маньсяну о воле отца, ведь ее сердце давно принадлежало этому ветреному, но такому милому молодому господину.

Заметив сопротивление, отец пустил в ход излюбленный прием: принялся бурно рыдать, причитать и грозиться накинуть на шею петлю. Янь Эрсин, воспитанная в почтении к родителям, не выдержала этого давления. Мужчина добился своего.

Ей предстояло стать чужой женой. Но везти ее собирались не к любимому, а к совершенно незнакомому человеку, о котором в округе шла дурная слава — поговаривали, что несчастный обделен умом от рождения.

Слезы девушки текли неиссякаемым потоком. Она безуспешно утирала их кулаками, содрогаясь от глухих рыданий:

— Господин Хуа... Меня отдадут другому. Мы больше никогда не увидимся.

Хуа Маньсян осторожно, боясь причинить боль, коснулся пальцами ее щек, стирая соленые

капли. Он обнимал ее так бережно, словно держал величайшую драгоценность мира.

— Не ходи за него, — тихо, но твердо произнес демон. — Бежим со мной. Стань моей женой.

Янь Эрси лишь безутешно мотала головой. Вцепившись в его шелковые рукава, она прятала лицо и шептала сквозь слезы:

— Отец никогда не отпустит меня... Я не могу бросить его одного.

Между влюбленными, чьи души тянулись друг к другу, выросла непреодолимая преграда долга и сыновней почтительности.

Он понимал, что теряет ее навсегда.

Прекрасная случайность так и осталась несбыточной мечтой.

В Городке Молодого Вина усадьбу семейства Чжоу украсили пестрыми лентами, а у ворот зажгли огромные парадные красные фонари.

Золотой попугай на ладони лежит,

Феникс яркий на платье вышит...

Только суженый к ней никогда не придет,

И слезами омоется свадебный шелк.

<http://bllate.org/book/20579/2134906>